

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Небольшой сеанс фитотерапии

Я цветы в общем-то не то, чтобы не люблю, просто безразлично отношусь. А должен бы в принципе не любить. В детстве от бабки доставалось, когда мяч в палисадник залетал, один раз, когда пионером был, сел на букет роз. Мы передовиков производства поздравляли, букеты от старшей пионервожатой получили, и ждали за кулисами, пока собрание шло. Ждать пришлось долго, я и сел на кресло — а на него Верка Кищенко розы положила. Так я всю задницу исколол, а розам хоть бы хны. Пионервожатая так и сказала — сел бы ты, Геннадий, на тюльпаны, тут бы тебе, Геннадий и конец. А когда женился — супруга моя преподавателем младших классов была — и вовсе к цветам уважение потерять мог. Ей этих букетов по крайней мере 3 раза в год столько дарили — ставить некуда было. 1 сентября, на день рождения и на 8-е марта. Сначала радовалась, а года через 2 ворчать стала. На те же деньги, говорит, лучше бы сушилку для обуви купили. Так вот, были у меня основания не любить цветы, но я любил бабушку. А покойница, соответственно, любила в свое время цветы. Старушка была правильная, значит и в цветах что — то такое было. Так я себе думал. Хотя и не часто, 3 раза в год, я уже говорил.

Пожалуй, коротенько о себе сказать нужно, чтоб понятнее было. После того, как КБ наше развалилось, я место свое в бизнесе почти сразу нашел — стал свинцовые блямбы для пломб делать. Чего проще — а будете смеяться, когда узнаете, сколько этих блямб в одной Москве нужно. Ну, пошло — поехало, дальше замки стал продавать, другие метизы, магазинчик открыл, второй, мелкооптовую базу — на том и успокоился. Не Абрамович, конечно, зато и не Ходорковский, На жизнь хватает. Так что проблема сушилки была давно решена, и не только она одна. Жена, кстати, курсы закончила и со мной работала, бухгалтером. Хватка у нее бульдожья оказалась, недобросовестных контрагентов за версту чуяла и спуску в случае чего не давала. Кстати, не только контрагентов — еще моя жена нутром чувствовала сотрудниц, которые мне понравиться могли бы, и искореняла их беспощадно. Замечу — могли бы только! Стоило мне пару раз подумать, что эта, вот, на складе, ничего вроде — и через неделю на складе уже усердно трудился бодренький такой отставничок. Опять-таки замечу, стоило мне только подумать. До практики дело не доходило. Так что работали у нас одни мужики, а из женщин — такие каракатицы, что не приведи Господи. Было, правда, одно исключение. В офисе за все отвечала Тамара. Жене она приходилась двоюродной, или вроде того, племянницей, а еще выше меня была на полголовы. В глазах жены это начисто исключало Тамару из списка подозреваемых, кроме того трудилась Тамара тихо и незаметно, а порядок в офисе держала безукоризненный. Входящие — исходящие там, ксерокс всегда заправлен, с днем рождения кого поздравить надо — всегда напомнит, ну, в таком вот роде. Незаменимый, короче, человек.

Собственно, о ней и разговор. И о цветах, конечно. Я Тамару про себя Воробушкой называл. 2 раза в неделю называл — по вторникам и четвергам, когда жена на фитнес ходила, у нее в это время чувствительность к моим мыслям притуплялась. И вот, в один из четвергов, собираюсь я вечером домой. И Воробушек собирается. И тут я осмелел неожиданно, не зря говорят — седина в голову, бес в ребро. Никакой бороды, кстати, никогда у меня и не было. Давай, говорю, Тамара Николаевна, я тебя подвезу. А добираться ей до дома действительно не близко, часа полтора, пожалуй. Она помялась немножко. Но согласилась. Спасибо, говорит,

Геннадий Васильевич. По дороге я остановился, купил кой — чего, и в пакет спрятал. Приехали. А не выпить ли нам, говорю, Тamarочка, кофейку? Совсем уже в тот момент понесло. Она зачем-то на часы посмотрела, вздохнула, и пригласила к себе. Вот, значит, Воробушек на кухне кофе варит, а я из пакета достаю, что купил. А купил я 3 розы — небольшие рижские розочки, бордовые такие и очень даже аккуратные. А тут и она с подносом входит. — Это вам, Тamarочка — говорю — и розы протягиваю. Она поднос поставила, розы взяла, и опять почему-то вздохнула. Принесла из кухни литровую банку с водой, и розы там разместила. Сидим, кофе пьем — почти по семейному. Я пошутить решил, цитирую:

Привстав с подушки кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Швырнул, брат, хризантему ей
Красавец — эфиоп.

Воробушек смотрит — недоуменно так. Неужели подмену в третьей строчке заметила? — Это Галич, говорю, Тamarочка. Она аж вспыхнула вся. Это вовсе, говорит, не «Галич», я суррогатом дома не держу, это натуральный «Арабико». И извините меня, ради Бога, Геннадий Васильевич, но не пора ли вам домой? Ну, думаю, заботится Воробушек, хочет, чтобы домой я до приезда жены успел. — Ничего, говорю, у меня еще часа полтора есть. — А у меня, она говорит, нет. Ко мне сейчас прийти должны, Геннадий Васильевич, и я не хотела бы, чтобы вас тут застали. — Кто, спрашиваю, придет? (Идиот! Идиот!!! Какое мое собачье дело, кто придет?!) Тамара опять вспыхнула, хотя и от прошлого еще не отошла. — Это не важно, говорит, вы его и не знаете почти. Вы, говорит, человек пожилой, понять должны — я молодая, здоровая женщина: Ну, такое дело — просят уйти, так нужно уходить. Собрался я быстренько, попрощался, и на выход. Уже от дома отъехал, смотрю в зеркальце — к подъезду Валик подходит, наш товаровед, недавно работает. Действительно, я его почти не знаю, персоналом у нас в основном жена занимается, я уже говорил. Поехал я. Да, думаю — получил однозначное предложение — засуньте, Геннадий Васильевич, свои цветочки себе же в задницу. И ладно бы, гладиолусы, а то — розы. С розами — это, конечно, перебор. Ну да ладно, будет старому дураку наука. Чуть семью не бросил, куда к черту. Тоже надумал — молодым девушкам цветы дарить. Сушилку для обуви лучше бы подарил.